

ЖУРНАЛ
НОВОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ

№ 3 (27)

Проблемы
экономической теории

Исследование
российской экономики

Вопросы
экономической политики

Горячая тема.
И снова о пенсиях

Научная жизнь

2015

Москва

В.В. Попов
РАНХ и ГС, РЭШ, Москва

Сохранит ли экономика Узбекистана высокие темпы роста?

Сценарии развития на 2015–2030 гг.¹

В последние 10 лет Узбекистан развивался очень успешно – рост ВВП в среднем на 8% в год, низкий государственный и внешний долг, заниженный валютный курс, равномерное распределение доходов. Правительство Узбекистана с помощью решительной промышленной политики добилось масштабных прогрессивных структурных сдвигов, однако теперь перед руководством страны стоит задача не допустить «головокружения от успехов», предусмотреть возможные риски и быть готовым принять адекватные меры. В статье рассматриваются два неблагоприятных шока – снижение цен на главные экспортные товары (золото, хлопок, газ) и замедление темпов роста совокупной факторной производительности, а также возможные ответные меры правительства. Доказывается, что текущая промышленная политика – поддержка наряду с автомобильной промышленностью отраслей тяжелой химии (производство синтетического топлива и полипропиленовых изделий из газа) с относительно низким уровнем совокупной факторной производительности и темпами ее роста может быть менее эффективной, чем прежняя ставка на автомобилестроение.

Ключевые слова: *Узбекистан, сценарии экономического развития на 2015–2030 гг., промышленная политика, воздействие внешних и внутренних шоков, условия торговли, совокупная факторная производительность.*

JEL Classification: E60 , F43 , O40 , O47 , O53.

Узбекистан – самая успешная в экономическом отношении страна бывшего Советского Союза. В 2013 г. ВВП страны более чем вдвое превысил уровень 1989 г. Из всех стран Восточной Европы и бывшего СССР только Туркменистан и Азербайджан смогли увеличить ВВП вдвое, но они – крупные экспортеры ресурсов, а Узбекистан таковым не является, хотя экспортирует газ и золото. Из переходных экономик только Китай и Вьетнам добились более впечатляющего роста. Внешний и государственный долг Узбекистана низкие, валютные резервы значительные, валютный курс не завышен (Попов, 2014).

Более того, правительство Узбекистана с помощью решительной промышленной политики добилось масштабных прогрессивных структурных сдвигов – была достигнута энергетическая и продовольственная самообеспеченность, выросла доля промышленности в ВВП, машиностроения – в промышленности, машинотехнической продукции – в экспорте. Целая отрасль машиностроения – автопромышленность – была создана с нуля, стала конкурентоспособной и экспортирует половину производимой продукции. В 2013 г. Узбекистан продал

¹ Автор выражает благодарность Б.В. Кузнецову, В.М. Полтеровичу и анонимному рецензенту за комментарии. Статья не отражает позиции организаций, с которыми связан автор.

за границу свыше 100 тыс. автомобилей, – почти столько же, сколько и Россия, у которой ВВП в 25 раз больше².

Распределение доходов в Узбекистане более равномерное, чем в большинстве других стран, миллиардеров нет вообще, преступность низкая, а продолжительность жизни намного выше, чем в странах со схожим уровнем душевого дохода. ВВП на душу в Узбекистане низкий: в 2014 г. ВВП по паритету покупательной способности (ППС) на душу населения составил всего 5–6 тыс. против 25 тыс. долл. в России, 23–24 тыс. долл. – в Казахстане, 17 тыс. долл. – в Азербайджане и 14 тыс. долл. – в Туркменистане. Но если говорить о динамике производства, а не о доходах, определяемых также и условиями торговли и масштабами экономической помощи, то в Узбекистане она была намного лучше, чем в России. Если в какой-то стране, производящей только нефть, объем выпуска не увеличился, но мировые цены на нефть поднялись, то ВВП в текущих ценах и душевые доходы возрастут (на доходы от экспорта нефти можно будет купить больше товаров на мировом рынке). А это означает настоящий рост *реальных* душевых доходов, который вызван не ростом производства, а изменением условий торговли.

В конце советского периода реальные доходы в Узбекистане составляли примерно половину российского уровня, а после развала СССР разрыв увеличился многократно – вопреки лучшей динамике производства в Узбекистане и в результате неблагоприятного для Узбекистана изменения относительных цен на производимую продукцию. Узбекистан был в советское время крупным импортером нефти, а его торговля со всеми странами, включая республики бывшего СССР, если пересчитать ее в мировые цены, создавала дефицит в 9% ВВП (Soviet economy, 1991), который покрывался скрытыми субсидиями из нефтепроизводящих республик. Когда же относительная стоимость ввозимого топлива и сырья для республик-импортеров постепенно выросла в несколько раз, то пришлось за тот же по объему импорт платить много больше. Вдобавок прекратилось открытое субсидирование – в 1990 г. только межбюджетные трансферты (прямые субвенции из союзного бюджета) составили 31% доходов республиканского бюджета (Soviet Economy, 1991) – из-за чего уровень жизни в Узбекистане в начале 1990-х годов резко упал – еще больше по сравнению с российским. Однако затем в России рост реальных доходов произошел не столько за счет роста производства, сколько за счет роста цен на нефть и газ, а в Узбекистане – наоборот, в основном за счет роста производства.

Так что дежурный аргумент, что в Узбекистане народ живет беднее, чем в России, и едет подрабатывать в Россию, в данном случае

² В 2013 г. Узбекистан продал более 60 тыс. автомобилей в Россию и 33 тыс. – в Казахстан, однако в 2014 г. экспорт в Россию резко упал. В 2014 г. Узбекистан выпустил 245,7 тыс. легковых автомобилей, из которых более 55 тыс. были экспортированы (было произведено 3,8 тыс. автобусов и грузовиков ISUZU; 1,2 тыс. – грузовых автомобилей MAN и 133,7 тыс. – силовых агрегатов). В Россию было экспортировано около 38 тыс. автомобилей, или порядка 70%; остальные – в Казахстан, Азербайджан, Украину и Беларусь, а также в Индонезию, Бразилию, Турцию и Южную Корею. Доля СП ЗАО “GM Uzbekistan” на российском рынке составила 1,5% в 2014 г. против 2,2% в 2013 г. (UzDaily.uz, 2015).

к делу не относится. В Узбекистане и производительность труда, и уровень жизни всегда были ниже, чем в России.

Таким образом, по всем показателям экономика Узбекистана в настоящее время выглядит как очень успешная, так что главная задача сегодня, видимо, должна состоять в том, чтобы не допустить «головокружения от успехов», предусмотреть возможные экономические риски на будущий период и адекватные ответные меры правительства, необходимые для сохранения экономического роста на уровне последних 10 лет (8%).

Как прогнозировать рост на долгосрочный период

Согласно простейшему варианту калькуляции темп роста выпуска является линейной функцией темпов роста капитала, труда и совокупной факторной производительности:

$$dY/Y = TFP = a dK + (1-a)DL/L,$$

где dY/Y – темпы экономического роста (прирост ВВП); dK/K – темпы прироста основного капитала; dL/L – темпы прироста труда (занятости); TFP – темпы прироста совокупной факторной производительности (СФП); a – параметр производственной функции, интерпретируемый как доля капитала в национальном доходе и равный примерно 0,4 для развивающихся стран и 0,3 для развитых стран.

Темпы роста населения и трудоспособного населения (а следовательно, и занятости, предполагая уровень безработицы неизменным) довольно точно известны – для демографических процессов характерна высокая инерционность, что позволяет делать качественные прогнозы. В частности, прогноз ООН предполагает, что до 2030 г. общее и трудоспособное население Узбекистана будет расти примерно на 1% в год (рис. 1), что в соответствии с формулой факторов экономического роста обеспечит порядка 0,6 процентных пунктов (п.п.) ежегодного прироста ВВП.

Еще несколько процентных пунктов прироста ВВП в год может быть получено от увеличения совокупной факторной производительности. В 1997–2009 гг. темпы прироста совокупной факторной производительности варьировали от 0 до 4% (Чепель и др., 2010), так что при благоприятных условиях можно, видимо, рассчитывать на прирост в 2–3% в год.

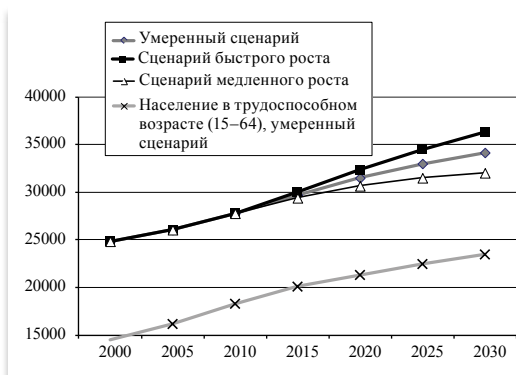

Рис. 1

Все население и трудоспособное население, прогноз ООН, тыс. чел.

Источник: UN Population, 2014.

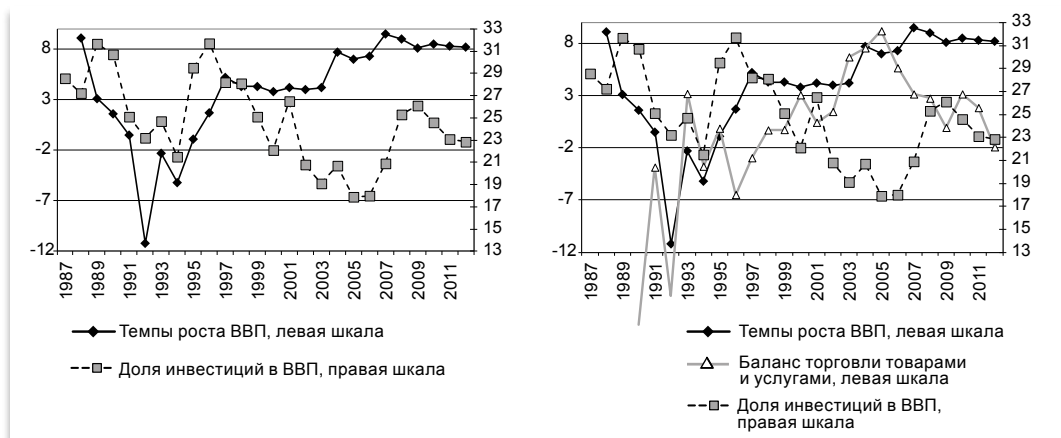

Рис. 2

Доля инвестиций в ВВП, сальдо баланса по текущим операциям (% к ВВП) и темпы роста ВВП в 1987–2012 гг., %

Источник: World Development Indicators, 2014.

Следовательно, для достижения ежегодного прироста ВВП в 8–9%³ свыше половины всего роста (5–6 п.п.) должно поступить от основного капитала

$$a \, dK / K = dY / Y - TFP - (1 - a) \, dL / L,$$

для чего этот основной капитал должен возрастать на 12–15% в год ($dK / K = 6\% / 0,4 = 15\%$). А при капиталоемкости производства, равной 2 (т.е. $K / Y = 2$), и нулевым выбытием основных фондов ($dK = G - R$, $R = 0$, где G – валовые капиталовложения, R – выбытие) доля капиталовложений в ВВП (G / Y) должна поддерживаться на уровне 30% ($G / Y = dk / Y = dK / K \times K / Y = 15 / 2 = 30\%$). При повышении же капиталоемкости и больших инвестициях на возмещение выбытия доля инвестиций в ВВП, соответственно, должна еще более повыситься, чтобы поддержать темпы роста на уровне 8–9%.

В последнее время доля инвестиций в ВВП в Узбекистане была значительно ниже – 18–27% в 2000–2012 гг. (рис. 2). Причем особенно низкой была доля инвестиций в ВВП в 2002–2006 гг. (18–21%), в период благоприятной конъюнктуры (высоких цен на основные продукты экспорта – газ, золото, хлопок) и значительного актива по балансу текущих операций.

Тайна совокупной факторной производительности

Есть много работ, в которых анализируются факторы изменения совокупной факторной производительности (СФП) (см. обзор литературы в (UNIDO, 2007)). В неоклассической теории роста совокупная факторная производительность является экзогенной, т.е. определяется вне модели, внешними факторами. В эндогенной теории

³ Для достижения часто обсуждаемого ориентира в 7000 долл. на душу населения в 2030 г. (в ценах 2012 г.) с исходного уровня в 1720 долл. в 2012 г. (по рыночному валютному курсу) нужен ежегодный рост подушевого дохода в 8%. При росте населения на 1% ежегодно рост ВВП в 2013–2030 гг. должен составить порядка 9% в год.

роста делаются попытки связать общую производительность факторов (труда и капитала) с вложениями в образование, НИОКР, инвестициями, прямыми иностранными инвестициями, качеством институтов, открытостью экономики и многими другими переменными. Эмпирические исследования, однако, пока не позволяют твердо сказать, что мы можем уверенно предсказывать темпы роста совокупной факторной производительности.

В 1994 г. Пол Кругман – один из самых известных американских экономистов, основываясь на новых расчетах факторов экономического роста в Восточной Азии, произведенных Элвином Янгом, заключил, что тайны восточноазиатского роста не существует (Попов, 2002; Chen, 2002; Роров, 2010). Он считал, что восточноазиатский рост был в основном экстенсивным, как и в СССР, т.е. произошёл за счет ускоренного накопления капитала, а не в результате роста совокупной факторной производительности. Из этого следовало, что никакой великой тайны в этом росте нет – если вы готовы направлять свыше трети своего ВВП на инвестиции, ограничивая потребление, то сможете также быстро расти.

В классической теории экономического роста считается, что увеличение вложений одного из факторов без пропорционального увеличения вложений других непременно ведет к снижению отдачи: например, увеличение капиталовложений в машины и оборудование без соответствующего роста занятости будет давать все меньшие и меньшие приросты выпуска. Поэтому форсировать инвестиции – ускоренно накапливать капитал – не слишком выгодно: произойдет снижение эффективности капиталовложений, так что ускорение роста, если и произойдет, то самое незначительное.

В качестве примера сторонники такой точки зрения ссылаются на экономический рост в СССР, который был очень высоким в 1950-е годы (8% ежегодно), а потом упал до 2–3% в 1980-е из-за (по их мнению) перенакопления капитала (Weitzman, 1970): доля инвестиций в ВВП в этот период возрастала и возросла до 35%, накопление основных фондов также шло высокими темпами, а вот результаты были более чем скромными (см. подробнее (Попов, 2007; Роров, 2010)). Как говорила Алиса в «Стране чудес», нам приходилось бежать вдвое быстрее, чтобы остаться на том же самом месте.

Считалось, что советская экономическая динамика – лучшая иллюстрация классической теории роста (модели Солоу): если вклад технического прогресса незначителен, каким он и был в СССР, т.е. если рост по преимуществу экстенсивный, то поддерживать высокие темпы роста за счет высоких инвестиций длительное время невозможно, они неизбежно падают, приближаясь к темпам роста населения.

Так что Кругман предсказывал, что быстрый восточноазиатский рост скоро закончится, как закончился советский рост, потому что по мере истощения резервов рабочей силы в результате полного вовлечения женщин в производство и сокращения аграрного перена-

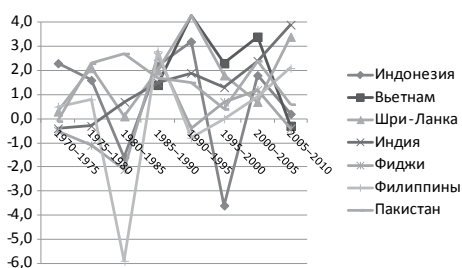
селения вследствие миграции крестьян в города наращивание инвестиций дает все меньшую отдачу, а эффективность накопления все больше снижается.

Однако время, похоже, опровергло предсказания П. Кругмана. После кризиса 1997 г. восточноазиатский рост продолжился, и примеры неснижения роста по мере увеличения доли инвестиций в ВВП стали множиться. Так, например, в Китае до последнего вре-

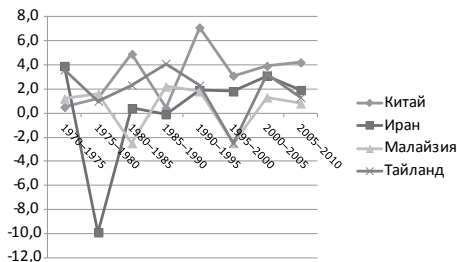
мени не было видно признаков кардинального снижения темпов роста, хотя доля инвестиций в ВВП достигла беспрецедентного в мире уровня – почти 50%. В теории рост СФП либо не зависит от доли инвестиций в ВВП (в модели Солоу СФП экзогенна), либо зависит положительно (в эндогенной теории роста). В последнем случае рост инвестиций в инновации вызывает ускорение роста СФП, перекрывающее снижение отдачи на капитал при росте капиталовооруженности.

Как видно из графиков на рис. 3, в азиатских странах с относительно низким ВВП на душу (от 2700 до 6200 долл. по ППС) и со средним подушевым ВВП (от 9000 до 17 000 долл. по ППС) темпы роста СФП скорее повышались, чем падали, тогда как в более богатых странах, в том числе в США, они, похоже, оставались стабильными. Рост СФП в развитых странах и территориях (Гонконг, Сингапур, США, Тайвань, Ю. Корея, Япония) обычно не превышал 2%. В США – стране, находившейся в последние 100 лет на острие технического прогресса, темп роста СФП составлял в 1870–2010 гг. порядка 1–2% и только в отдельные периоды (Великая депрессия 1930-х годов, в ходе которой резко сократилась

Страны с подушевым ВВП по ППС в 2012 г. от 2700 до 6200 долл.

Страны с подушевым ВВП по ППС в 2012 г. от 9 до 17 тыс. долл.

Страны и территории с подушевым ВВП по ППС в 2012 г. от 30 до 52 тыс. долл.

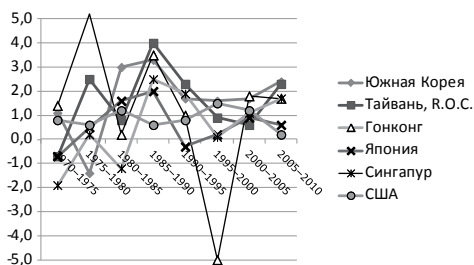

Рис. 3

Темпы роста совокупной факторной производительности в 1970–2010 гг. в азиатских странах и регионах с разным уровнем подушевого дохода и в США

Источник: АРО, 2013.

как занятость, так и капитал, Вторая мировая война) поднимался до 3% (табл. 1).

Таблица 1

Темпы роста совокупной факторной производительности в США в 1870–2010 гг., %

Период	Среднегодовые темпы роста СФП
1870–1900 гг.	~ 1,5–2
1900–1920 гг.	~ 1
1920-е годы	~ 2
1930-е годы	~ 3
1940-е годы	~ 2,5
1950–1973 гг.	~ 2
1973–1990 гг.	< 1
1990-е годы	> 1
2000-е годы	~ 1,5
1870–2010 гг.	~ 1,6–1,8
1950–2010 гг.	~ 1,2–1,5

Источник: Shackleton, 2013.

В самых успешных странах догоняющего развития (Китай) рост СФП часто превышал 4% в год (см. рис. 3). Однако в странах, схожих с Узбекистаном по уровню душевого дохода, и даже в более развитых странах быстрого роста (Иран, Малайзия, Таиланд), рост СФП был не выше 3%. Так что есть смысл считать, что при самом благоприятном стечении обстоятельств рост СФП в 2015–2030 гг. сохранится на уровне 2–3%.

Сценарии будущего роста

Благоприятный сценарий. Темпы роста СФП не замедляются, остаются на уровне 2–3% в год, цены на экспортные товары остаются высокими, так что торговый баланс и платежный баланс по текущим операциям сводятся с профицитом. В этом случае для обеспечения роста на 8–9% в год доля инвестиций может несколько вырасти к концу периода (2030 г.), если капиталоемкость производства повысится и для достижения такого же прироста основного капитала (15%) потребуется более высокая доля инвестиций в ВВП.

В рамках этого варианта возможно постепенное возвращение мигрантов, работающих за границей. С одной стороны, их возвращение на родину приведет к снижению денежных переводов, что ухудшит платежный баланс. Но – с другой, если они найдут работу

в Узбекистане в экспортном секторе, потери от снижения переводов мигрантов могут быть компенсированы увеличением валютных поступлений от роста экспорта. Более того, возвращение мигрантов существенно увеличит темпы роста занятости в самом Узбекистане: при возвращении 100 тыс. человек ежегодно темпы роста занятости повысятся на 1 п.п., т.е. добавят к ежегодным темпам экономического роста еще 0,6 п.п. Но в этом случае необходимо будет обеспечить возвращающихся мигрантов рабочими местами, что потребует дополнительного увеличения темпов роста основного капитала – на 1 п.п., т.е. повышения нормы накопления на 2 п.п., например с 25 до 27% ВВП. Это даст дополнительные 0,4 п.п. роста ВВП, так что темпы экономического роста вырастут на 1 п.п. ($0,6 + 0,4$).

Неблагоприятные сценарии. Падение цен на главные статьи узбекского экспорта – золото, газ и хлопок, что может вызвать ухудшение торгового и платежного балансов в размере 10% ВВП (в последние 20 лет баланс по текущим операциям изменялся в пределах от -7 до $+9\%$ ВВП; см. рис. 2). Как видно из рис. 4, цены на эти товары в минувшие пять лет были довольно высокими, так что в будущем их снижения исключить нельзя.

В этом случае возможны разные варианты политики: 1) девальвация национальной валюты, 2) сокращение валютных резервов без стерилизационных операций центрального банка, 3) сокращение валютных резервов, полностью стерилизованное операциями центрального банка, т.е. без изменения денежной массы в обращении. В третьем случае снижения уровня сбережений можно избежать, но в первых двух случаях хотя бы частичное снижение частных сбережений и инвестиций не-

избежно, так что для поддержания прежних темпов экономического роста надо будет компенсировать это падение увеличением государственных сбережений и инвестиций. Без такой компенсации снижение сбережений и инвестиций на 10 п.п. ВВП вызовет падение темпов прироста основного капитала на 5 п.п. ($K/Y = 2$), что может привести к замедлению экономического роста примерно на 2 п.п. в год ($dKa = 5 \times 0,4 = 2$). Чтобы избежать снижения роста, надо будет увеличить норму накопления на 10 п.п. ВВП за счет мобилизации внутренних сбережений или привлечения капитала из-за рубежа (табл. 2).

Рис. 4

Мировые цены на золото, нефть и хлопок, 1988–2013 гг.

Источник: Index Mundi (<http://www.indexmundi.com/commodities/?commodity=cotton&months=300&commodity=gold&indicator=price-ratio>).

Таблица 2

Сценарии экономического развития в 2015–2030 гг.

Сценарии	Темпы роста СФП, %	Баланс по текущим операциям	Изменение ежегодных темпов роста	Увеличение инвестиций, необходимое для сохранения роста
Базовый (благоприятный)	2–3	Остается неизменным (на уровне 2010–2013 гг.)	0	0 (инвестиции остаются на нынешнем уровне – 25% ВВП)
Неблагоприятный (ухудшение условий торговли)	2–3	Снижение на 10% ВВП	Снижение на 2 п.п.	Увеличение на 10 п.п. ВВП (до 35% ВВП)
Неблагоприятный (снижение темпов роста СФП)	0	Остается неизменным (на уровне 2010–2013 гг.)	Снижение на 2–3 п.п.	Увеличение на 10–15 п.п. ВВП (до 35–40% ВВП)
Худший	0	Снижение на 10% ВВП	Снижение на 4–5 п.п.	Увеличение на 20–25 п.п. ВВП (до 45–50% ВВП)

Другой неблагоприятный сценарий – снижение темпов роста совокупной факторной производительности на 2–3 п.п., т.е. примерно с нынешнего уровня до нуля. Такое может случиться из-за утяжеления отраслевой структуры производства (смещения в сторону капиталоемких отраслей), истощения месторождений полезных ископаемых, массивов вложений в инфраструктуру (ирригация, дороги), образование, здравоохранение, не дающих немедленной отдачи. А также по причинам, которых мы не знаем. Точно предсказать динамику СФП в будущем не представляется возможным, так что надо быть готовыми к неблагоприятным сценариям ее изменения. В этом случае темпы экономического роста снизятся на 2–3 п.п., а увеличение инвестиций, нужное для компенсации этого снижения, составит 10–15% от ВВП (см. табл. 2).

Худший сценарий. Если ухудшение условий торговли совпадет со снижением темпов прироста совокупной факторной производительности, возможно падение темпов экономического роста на 4–5 п.п., т.е. более чем вдвое. Чтобы компенсировать такое снижение, потребуется повышение доли капиталовложений в ВВП до 45–50% (табл. 2), что, видимо, вряд ли возможно в течение короткого периода времени.

Как правительство может ответить на риски замедления роста

Чтобы компенсировать снижение темпов роста из-за возможного ухудшения условий торговли и (или) падения темпов роста совокупной факторной производительности, можно увеличить капиталовложения за счет внутренних или внешних (приток капитала, займы)

сбережений. Собственно говоря, это практически единственный способ противодействия снижению темпов роста, так как СФП и темпы роста труда (занятости) определяются в значительной степени объективными факторами, т.е. находятся вне сферы воздействия правительственной политики.

Для мобилизации дополнительных сбережений у Узбекистана есть значительный задел прочности. Во-первых, нынешняя норма накопления – менее 25% ВВП – не слишком высокая, у многих стран со схожим уровнем развития доля инвестиций в ВВП выше. Доля инвестиций в ВВП в 2012 г. в Ботсване, Беларуси, Китае, Индии, Индонезии, Лаосе, Лесото, Мавритании, Нигере, Танзании, Тонга составила 30% и более, а в Китае, Монголии, Мозамбике, Туркменистане – более 40%. Во-вторых, государственный бюджет сводится с профицитом, а внутренний и внешний долг невысок, так что есть возможность мобилизации сбережений через повышение налогов для финансирования государственных инвестиций и через займы внутри и вне страны.

Как видно из графиков на рис. 5, не только частные, но и государственные инвестиции способствуют повышению доли инвестиций в ВВП, так что если по каким-то причинам частные инвестиции не идут, государство может добиться увеличения общего объема инвестиций через расширение своих, государственных, инвестиционных проектов, финансируемых через налоги или займы. Государственные, бюджетные сбережения, как свидетельствуют исследования, не вытесняют частные в пропорции 1 : 1, но лишь в пропорции 25–50 центов на каждый доллар (Schmidt-Hebbel, Serven, Solimano, 1996) или даже способствуют увеличению частных инвестиций, особенно в бедных странах (Eden, Kray, 2014).

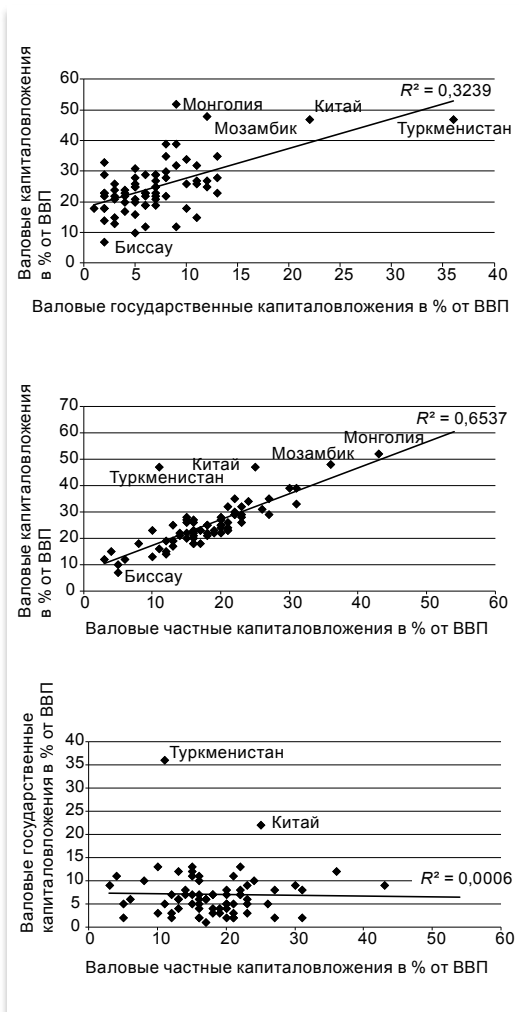

Рис. 5

Частные и государственные инвестиции в 2012 г.,
% ВВП

Источник: World Development Indicators, 2014.

Собственно говоря, даже при благоприятном сценарии целесообразно стремиться к повышению доли инвестиций в ВВП для увеличения вложений в инфраструктуру, образование, здравоохранение – сферы, которые в 1990-е, да и в 2000-е годы испытывали явный недостаток финансирования. Это позволит создать задел на будущее и избежать неожиданностей, связанных с разрушением изношенных основных фондов. Такая мобилизация внутренних сбережений для повышения доли инвестиций в ВВП возможна, но, конечно, требует консенсуса в правящей элите и социального мира. В прошлом страна выделялась высоким уровнем социальной стабильности, чему способствовал относительно низкий уровень неравенства и быстрый экономический рост. За весь переходный период массовые убийства имели место только в ходе терактов в Ташкенте и других городах в 1999 и 2004 г. (около 50 погибших) и вооруженных столкновений в Андижане в 2005 г. (около 200 погибших).

Часто быстрорастущие страны сравнивают с велосипедом, который сохраняет устойчивость только в движении. При замедлении роста, даже временном, может произойти подрыв социальной стабильности, которая так важна для сохранения социально-экономического динамизма.

Какие отрасли должны развиваться опережающими темпами

Сокращение доли промышленности в ВВП и рост доли сферы услуг – объективный процесс, но в быстрорастущих странах (Китай) это сокращение было более медленным, чем в других. Повышение же доли машиностроения в продукции обрабатывающей промышленности, как в Китае, похоже, обычно сопровождает быстрый рост или даже является мотором этого роста. Мы не знаем случаев быстрого роста («экономических чудес»), которые бы базировались на преимущественном развитии сферы услуг. Рост доли промышленности в Узбекистане в минувшее десятилетие следует поэтому считать положительной тенденцией.

На какие именно отрасли обрабатывающей промышленности следует делать ставку – сложный вопрос, не имеющий, к сожалению, точного экономически обоснованного ответа. Есть несколько способов определить отрасли, которые следует поддерживать в рамках промышленной политики.

Можно воспользоваться опытом других стран: известно, что относительно бедные страны начинали с экспорта текстиля и обуви, потом переходили к экспорту стали и продукции тяжелой химии, потом – к экспорту автомобилей и электротехнических изделий (стиральные машины, холодильники), потом – бытовой электроники и компьютеров. Такая схема получила название «летающие гуси» – по мере перехода стран к более продвинутым видам экспорта

освобождающиеся ниши занимали менее развитые страны, идущие следом.

Известный китайский экономист Джастин Лин, бывший главный экономист Всемирного банка, считает, что страны должны опираться на свои сравнительные преимущества и не стараться экспортировать слишком сложную продукцию, когда они находятся на низком уровне развития (Lin, 2011). Напротив, в статьях Рикардо Хаусманна, Джейсона Хванга и Дэни Родрика (Hausmann, Rodrik, 2006; Hausmann, Hwang, Rodrik, 2006; Rodrik, 2006) доказывается, что чем сложнее структура экспорта в конкретной стране, тем более это стимулирует темпы экономического роста. Китай, например, и в 1992 г., и в 2003 г. имел наибольший разрыв между гипотетическим (рассчитанным исходя из информации о сложности экспорта) и фактическим уровнем ВВП на душу населения, т.е. структура китайского экспорта соответствовала структуре вывоза страны, которая в несколько раз опережала Китай по ВВП на душу населения.

Возможно, переход от одних отраслей к другим определяется циклом нововведений. Этот цикл – короткий для электроники и длинный для фармацевтики и химии: этим, может быть, и объясняется, что страны Восточной Азии, поставившие на короткий цикл, избежали «стагнационной ловушки для стран среднего уровня дохода» (middle income trap) (Lee, 2013).

Можно попробовать поддерживать сразу несколько отраслей, кажущихся перспективными, объявив, что поддержка кончится, если не будет достигнуто увеличение экспорта в течение хотя бы 5 лет. Это называется «EPCoEP» (effective protection conditional on export promotion) – эффективная защита, обусловленная развитием экспорта (Jomo, 2013). Творцы экономической политики в этом случае подобны полководцу, который начинает наступление по нескольким направлениям, но бросает резервы туда, где наметился прорыв.

Можно постараться рассчитать, в каких именно отраслях ограниченные инвестиции дадут наибольший эффект в виде создания конкурентоспособного на мировом рынке производства. Вероятнее всего в тех, где отставание по уровню совокупной факторной производительности от самых передовых стран меньше, чем в других, а темпы роста СФП выше.

И, наконец, можно действовать в значительной степени наугад. Важно только проявлять последовательность – встав на путь поддержки какой-то отрасли, не поворачивать назад, даже если немедленного успеха нет и прорыва на мировые рынки не наблюдается. Ведь современная теория международной торговли как раз и объясняет страновую специализацию не сравнительными преимуществами, а обучением в процессе производства (learning by doing).

Если у страны нет никаких сравнительных преимуществ, как, например, в послевоенной Японии, то надо создавать их самим

(«динамические сравнительные преимущества»), осваивая производство изделий, которые ранее не производились. Начиная такое производство и последовательно стимулируя экспорт, не сворачивая с пути определенное время, страны постепенно становятся конкурентоспособными. Если бы Япония, не обладающая ни полезными ископаемыми, ни обширными сельскохозяйственными угодьями, полагалась на сравнительные преимущества, то экспортировала бы сегодня даже не суши (в которые входит рис), а только сашими.

Узбекистан создал с нуля автомобильную промышленность, которая сегодня производит более 200 тыс. автомобилей (и двигатели к ним), причем почти половину из них экспортирует (Попов, 2014)⁴. Это – несомненный успех промышленной политики, прорыв на мировые рынки с продукцией среднего уровня наукоемкости, который ранее удавался только странам с более высоким уровнем развития. Да, узбекские автомобили производятся за высокой протекционистской стеной – таможенные пошлины и налоги увеличивают цены импортируемых автомобилей почти в два раза, а новые узбекские машины продаются внутри страны почти вдвое дороже, чем за границей. Но на внутреннем рынке автомобили все равно быстро раскупаются (запись вперед почти на год), а избыточные прибыли автопрома идут на освоение зарубежных рынков – модель внешней экспансии, многократно использованная другими странами и практически единственно возможная при освоении новых рынков машинно-технической продукции. Тот факт, что качество узбекских авто позволяет продавать их на зарубежных рынках, – уже успех, пусть даже эти продажи и субсидируются. Даже более развитый Китай не смог пока прорваться на рынки западных стран со своими автомобилями. Собственно говоря, такую же стратегию пытается использовать и Беларусь, но с заметно меньшим успехом. Доля машиностроения в общей стоимости продукции обрабатывающей промышленности в Беларуси снизилась с 34 в 1990 г. до 25 в 2000 г. и до 19% в 2012 г., а доля машинно-технической продукции в экспорте – с 31 в 1995 г. до 25% в 2013 г. (табл. 3).

В последние годы, однако, ставка, похоже, делается на тяжелую химию – Шуртанский газохимический комплекс и планируемое производство синтетического жидкого топлива на основе очищенного метана совместно с южноафриканской «Сасол» и малайзийской «Петронас», завод по производству сжиженного газа на Мубарекском ГПЗ, Дехканабадский завод калийных удобрений, Устюртский ГХК на базе месторождения Сургиль. Такая стратегия может создать трудности для экономического роста.

Во-первых, запасы газа близки к истощению, прогнозируется снижение производства газа с 2015 г. (Kochnakyan et al., 2013), так что использование газа для производства полипропилена и другой химической продукции будет вести к снижению энергетической самообеспеченности. Если прогноз Всемирного банка реален, то придется импор-

⁴ В 2014 г. экспорт автомобилей сократился почти вдвое в основном из-за плохой динамики на российском рынке.

Таблица 3

Доля машинно-технической продукции в экспорте Беларуси, % к итогу

Машинно-техническая продукция	1995	2000	2005	2010	2013
Машины, оборудование и транспортные средства, и металлообработка (всего)	30,6	33,3	27,8	26,7	25,4
- без металлообработки		26,1	20,3	19,1	19,1
- машины и оборудование		10,8	9	8,8	8,5
- транспортные средства		13,1	10,4	9,3	9,8
- измерительные и оптические приборы, медицинские приборы		1,5	0,9	1,0	1,0
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий		7,2	7,5	7,6	6,3

Источник: Белстат (Национальный статистический комитет Республики Беларусь) (<http://belstat.gov.by/index.htm>).

тировать больше нефти и (или) газа, который сейчас экспортируется, чтобы удовлетворить внутренние потребности Узбекистана в энергии. Производство синтетического жидкого топлива из газа еще более снизит уже сейчас низкую загрузку мощностей на двух НПЗ Узбекистана.

Во-вторых, преимущественное развитие тяжелой химии может привести к замедлению темпов роста или даже к снижению СФП. Расчеты показывают, что как уровень производительности труда и СФП, так и темпы роста этих показателей в минувшие 10 лет были наиболее высокими в машиностроении, легкой и пищевой промышленности, а не в нефтехимии и химии (Чепель, Хамидов, Асадов и др., 2010).

Наконец, в-третьих, ставка на машиностроение среднего уровня сложности (автомобилестроение) уже себя оправдала, это проверенный путь, возможно, правильнее было бы развивать успех на этом направлении, а не пытаться сделать конкурентоспособными новые отрасли. Масштабы экономики Узбекистана могут оказаться недостаточными, чтобы специализироваться более чем на одной группе отраслей.

В известной статье (Hausmann, Rodrik, 2006) процесс перехода от производства и экспорта одних изделий к другим сравнивается с перемещением обезьян от одних деревьев к другим в поисках пищи. Самые богатые плодами деревья находятся, как правило, дальше от мест обитания обезьян, чем деревья с меньшим числом плодов, так что при поиске новых мест приходится сопоставлять затраты на перемещение на новые деревья и выгоды от сбора плодов на этих новых, более плодородных участках. Так же и при выборе отраслей, которые надо поддерживать в рамках промышленной политики, сопоставляются издержки (трудности) освоения новой продукции (небольшие

при переходе к близким по профилю отраслям, скажем, от легковых авто к мотоциклам и грузовикам, и большие при переходе к отраслям с принципиально иной технологией, скажем, от авто к химии) и выгоды (экстерналии) от развития новых отраслей (предположительно растущие вместе с повышением технического уровня и наукоемкости).

По мнению Джастина Ифу Линя, Узбекистан не должен перескакивать через промежуточные стадии, переходя от переработки сельскохозяйственного сырья сразу к автомобилестроению и тяжелой химии. Он мог бы получить большие выгоды от развития таких менее сложных отраслей, как пищевая, текстильная, производство изделий из кожи. Однако пример других стран, например Израиля и Финляндии, которые в конце XX в. освоили производство и экспорт самых высокотехнологичных изделий и сейчас лидируют в мире по доле расходов на НИОКР в ВВП, возможно, свидетельствует о том, что «большие скачки» в промышленной политике порой оправданы. Вопрос, однако, в том, сколько именно таких скачков страна может совершить в короткий промежуток времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Попов В.В.** (2002). Три капли воды: заметки некитаиста о Китае. М.: Дело.
- Попов В.В.** (2007). Почему снижались темпы роста советской экономики в брежневский период // *Нефrikосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. № 2(52). С. 48–59.
- Попов В.В.** (2014). Экономическое чудо переходного периода: как Узбекистану удалось то, что не удалось ни одной постсоветской экономике // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 1. С. 136–160.
- Чепель С.В., Б. Хамидов, Х. Асадов, С. Жураев, А. Абужаббаров, С. Салохитдинов** (2010). Экономический рост и инновации: теория, практика и моделирование. Ташкент: Институт прогнозирования и макроэкономических исследований.
- АРО (2013). АРО Productivity Databook, 2013. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.apo-tokyo.org/publications/files/ARO_Productivity_Databook_2013.pdf, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2015 г.).
- Chen E.** (2002) The Total Factor Productivity Debate: Determinants of Economic Growth in East Asia. [Электронный ресурс] *Asian-Pacific Economic Literature*. Vol. 11(1). P. 18–39. Режим доступа: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1467-8411.00002/pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2015 г.).
- Eden M., Kraay A.** (2014). “Crowding in” and the Returns to Government Investment in Low-Income Countries. Policy Research Working Paper 6781. The World Bank. February 2014.
- Hausmann R., Hwang J., Rodrik D.** (2006). What You Export Matters. NBER Working Paper. January.

- Hausmann R., Rodrik D.** (2006). Doomed to Choose: Industrial Policy as Predicament. Harvard University. September 2.
- Jomo K.S.** (2013). The Best Approach to Economic Development is Pragmatism. In: “22 Ideas to Fix the World Conversations with the World’s Foremost Thinkers” Dutkiewicz P., Sakwa R. (eds.). New York: New York University Press.
- Kochnakyan A., Khosla S.K., Buranov I., Hofer K., Hankinson D., Finn J.** (2013). Uzbekistan Energy/Power Sector Issues Note. [Электронный ресурс] Washington: The World Bank. Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/17596/ACS41460WP0Box-0Issues0Note0PUBLIC0.pdf?sequence=1>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2015 г.).
- Lee K.** (2013). Schumpeterian Analysis of Economic Catch-up. Knowledge, Path-Creation, and the Middle-Income Trap. Cambridge.
- Lin J.Y.** (2011). From Flying Geese to Leading Dragons. New Opportunities and Strategies for Structural Transformation in Developing Countries. Policy Research Working Paper 5702. June.
- Popov V.** (2010). Life Cycle of the Centrally Planned Economy: Why Soviet Growth Rates Peaked in the 1950s. Paper Presented at American Economic Association Annual Meeting in Boston, January 2006. CEFIR and NES working paper No. 152. November 2010.
- Rodrik D.** (2006). What’s So Special about China’s Exports? [Электронный ресурс] // *Harvard University*. January. Режим доступа: <https://www.sss.ias.edu/files/pdfs/Rodrik/Research/Whats-special-China-exports.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2015 г.).
- Schmidt-Hebbel K., Serven L., Solimano A.** (1996). Saving and Investment: Paradigms, Puzzles, Policies // *The World Bank Research Observer*. Vol. 11(1). P. 87–117.
- Shackleton R.** (2013). Total Factor Productivity Growth in Historical Perspective. Congressional Budget Office, Washington. March, 2013. Working Paper 2013–01. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.cbo.gov/sites/default/files/cbofiles/attachments/44002_TFP_Growth_03-18-2013.pdf, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2015 г.).
- Soviet Economy (1991). A Study of the Soviet Economy. Washington: IMF, World Bank, OECD, EBRD.
- UN Population (2014). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://esa.un.org/unpd/wpp/Excel-Data/population.htm>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2015 г.).
- UNIDO (2007). Determinants of Total Factor Productivity: A Literature Review. Staff Working Paper. 02/2007. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.unido.org/fileadmin/user_media/Publications/Research_and_statistics/Branch_publications/Research_and_Policy/Files/Working_Papers/2007/WP022007%20-%20Determinants%20of%20total%20factor%20productivity.pdf, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2015 г.).
- UzDaily.uz [Электронный ресурс] 9.02.2015. Режим доступа: <http://polpred>.

com/?cnt=163&ns=1§or=16, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2015 г.).

- Weitzman M.** (1970). Soviet Postwar Economic Growth and Capital-Labor Substitution // *American Economic Review*. Vol. 60(5) (December). P. 676–692.
- World Development Indicators (2014). [Электронный ресурс] The World Bank Group. Режим доступа: <http://databank.worldbank.org/data/views/variableSelection/selectvariables.aspx?source=world-development-indicators>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2015 г.).

REFERENCES (with English translation or transliteration)

- APO (2013). APO Productivity Databook, 2013. Available at: http://www.apo-tokyo.org/publications/files/APO_Productivity_Databook_2013.pdf (accessed: July 2015).
- Chen E.** (2002) The Total Factor Productivity Debate: Determinants of Economic Growth in East Asia. *Asian-Pacific Economic Literature* 11, 1, 18–39. Available at: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1467-8411.00002/pdf> (accessed: July 2015).
- Chepel S., Khamidov B., Asadov Kh., Zhuravlev S., Abuzhabbarov A., Salokhiddin S.** (2010). Economic Growth and Innovations: modelling and empirics. Tashkent, Institute for Forecasting and Macroeconomic Research (in Russian).
- Eden M., Kraay A.** (2014). “Crowding in” and the Returns to Government Investment in Low-Income Countries. Policy Research Working Paper 6781. The World Bank. February.
- Hausmann R., Hwang J., Rodrik D.** (2006). What You Export Matters. NBER Working Paper. January.
- Hausmann R., Rodrik D.** (2006). Doomed to Choose: Industrial Policy as Predicament. Harvard University. September 2.
- Jomo K.S.** (2013). The Best Approach to Economic Development is Pragmatism. In: “22 Ideas to Fix the World Conversations with the World’s Foremost Thinkers” Dutkiewicz P., Sakwa R. (eds.). New York: New York University Press.
- Kochnakyan A., Khosla S.K., Buranov I., Hofer K., Hankinson D., Finn J.** (2013). Uzbekistan Energy/Power Sector Issues Note. Washington: The World Bank. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/17596/ACS41460WP0Box0Issues0Note00PUBLIC0.pdf?sequence=1> (accessed: July 2015).
- Lee K.** (2013). Schumpeterian Analysis of Economic Catch-up. Knowledge, Path-Creation, and the Middle-Income Trap. Cambridge.
- Lin J.Y.** (2011). From Flying Geese to Leading Dragons. New Opportunities and Strategies for Structural Transformation in Developing Countries. Policy Research Working Paper 5702. June.
- Popov V.** (2010). Life Cycle of the Centrally Planned Economy: Why Soviet Growth Rates Peaked in the 1950s. Paper presented at American Economic Association Annual Meeting in Boston, January 2006. CEFIR and NES working paper No. 152. November.

- Popov V.V.** (2002). Three Drops of Water. Notes on China by a Non-sinologist. Moscow: Delo (in Russian).
- Popov V.V.** (2007). Why did the growth rates of Soviet economy decline in the Brezhnev period. *Debates on Politics and Culture* 248–59. (in Russian).
- Popov V.V.** (2014). An Economic Miracle in the Post-Soviet Space: How Uzbekistan Managed to Achieve What No Other Post-Soviet State Has. *Journal of the New Economic Association* 1(21), 136–160 (in Russian).
- Rodrik D.** (2006). What's So Special about China's Exports? *Harvard University* January. Available at: <https://www.sss.ias.edu/files/pdfs/Rodrik/Research/Whats-special-China-exports.pdf>(accessed: July 2015).
- Schmidt-Hebbel K., Serven L., Solimano A.** 1996. Saving and Investment: Paradigms, Puzzles, Policies. *The World Bank Research Observer* 11(1), 87–117.
- Shackleton R.** (2013). Total Factor Productivity Growth in Historical Perspective. Congressional Budget Office, Washington. March 2013. Working Paper 2013–01. Available at: http://www.cbo.gov/sites/default/files/cbofiles/attachments/44002_TFP_Growth_03-18-2013.pdf (accessed: July 2015).
- Soviet Economy (1991). A Study of the Soviet Economy. Washington: IMF, World Bank, OECD, EBRD. Vol. 1–3.
- UN Population (2014). Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/Excel-Data/population.htm>(accessed: July 2015).
- UNIDO (2007). Determinants of Total Factor Productivity: A Literature Review. Staff working paper. 02/2007. Available at: http://www.unido.org/fileadmin/user_media/Publications/Research_and_statistics/Branch_publications/Research_and_Policy/Files/Working_Papers/2007/WP022007%20-%20Determinants%20of%20total%20factor%20productivity.pdf (accessed: July 2015).
- UzDaily.uz (2015). 9.02.2015. Available at: <http://polpred.com/?cnt=163&ns=1§or=16> (accessed: July 2015).
- Weitzman M.** (1970). Soviet Postwar Economic Growth and Capital-Labor Substitution. *American Economic Review* 60(5), December, 676–692.
- World Development Indicators (2014). The World Bank Group. Available at: <http://databank.worldbank.org/data/views/variableSelection/selectvariables.aspx?source=world-development-indicators> (accessed: July 2015).

Поступила в редакцию 20 декабря 2014 года

V.V. Popov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); New Economic School (NES), Moscow, Russia

Can Uzbekistan Economy Retain Its High Growth Rate? Scenarios of Economic Development in 2015–2030

Uzbekistan in recent 10 years is an extremely successful economy – high growth (8% a year), low domestic and international debt, undervalued exchange rate, relatively even distribution of income, creation from scratch of competitive export oriented auto industry. It is important though to avoid “dizziness from success” and to envisage possible growth traps in the future. Two unfavourable scenarios are discussed – negative terms of trade shock due to the decline in cotton, gas and gold prices (a deterioration of the current account balance by 10 p.p. of GDP) and a decline in growth rates of total factor productivity (TFP), as well as possible government responses to these shocks, in particular, changes in industrial policy. It is argued that current industrial policy – support of heavy chemistry industries (production of synthetic fuel and polypropylene goods from natural gas) with relatively low level and growth rates of TFP – can be less efficient than previous successful support of auto industry.

Keywords: *Uzbekistan, scenarios of economic development in 2015–2030, industrial policy, reaction to shocks, terms of trade, total factor productivity.*

JEL Classification: E60, F43, O40, O4, O53, ..